

Речь, произнесенная 7 мая 1927 года на вечере памяти М.П.Арцыбашева

М. П. Арцыбашев. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

Арцыбашев был прежде всего художником.

Этого не надо забывать при оценке его работы за последние, героические, годы его жизни.

Как-то, прошлой зимой, в редакцию (варшавской газеты "За свободу", в которой работал Арцыбашев. - Т. П.) пришел какой-то деловой человек с какими-то фантастическими предложениями.

После его ухода Арцыбашев сказал: "Меня поразило, как он снимал галоши? Я сразу почувствовал, что это человек ненадежный".

Мы с этим человеком спорили в порядке логики и фактов, Арцыбашев сделал ему оценку наблюдательным глазом художника. Оценка оказалась одинаковой с оценкой людей логики и фактов, но методы, основы ее совершенно иные.

А потому Арцыбашеву было не по себе среди политиков. Слишком по-разному подходили к теме Арцыбашев и политики.

Спорят монархисты с республиканцами, мелкие буржуи с социалистами. Один просит слова "к порядку дня", другой предлагает поправку к проекту резолюции, а Арцыбашев страдает.

Все это ему кажется нелепым и уродливым. Он тоскует по главному, - по единому на потребу, и ему кажется, что политики об этом, самом главном, забывают, превращают политику в самоцель. -

Повседневная политика всегда нехудожественна, и только на вершинах своих, и то бессознательно, достигает своеобразной красоты.

Там, где проявляет себя гений.

Великий художник Стендаль понимал красоту политики Наполеона, великий художник Пушкин понимал, как никто, политику Петра Великого.

При крепком политическом и бытовом укладе художник обыкновенно отходит от реальной политики. Пребывает или в одиночестве, или в оппозиции.

В художнике всегда есть тяготение к индивидуализму, к некоторому духовному аристократизму, к некоторому анархизму. Политику он предоставляет профессионалам. Его гражданственность, его связь с коллективом остро проявляется лишь в години бедствий и катастроф.

И тогда подлинный художник становится пророком, вождем.

Тогда его художественная интуиция становится громадной ценностью общественного порядка. Он видит в темноте, видит в то время, когда профессиональные политики зачастую слепнут.

Примеров политического ясновидения пророков, слепоты присяжных политиков в години катастроф история знает много.

Теперь-то мы понимаем, что еврейский пророк Исайя был мудрым политиком. Он вовремя учел всю силу Ассира, в то время как профессиональные "политики" той эпохи этого недоглядели.

Но не только библейские пророки обладали даром политического видения.

Современные художники-ясновидцы в пиджаках, как Достоевский и Мережковский, или в русской косоворотке, как Арцыбашев, - видели многое, чего не видели глаза настоящих, общепризнанных политиков.

Прочтите книгу Мережковского "Грядущий хам" 1904 года, прочтите его предисловие к французской "Царь и революция" (1908 г.), и вы увидите, - что он оказался подлинным пророком.

Присяжные политики перелистали эти книги Мережковского между двумя запросами в парламенте или заседаниями фракций, улыбнулись и отложили их в сторону.

Но прав оказался Мережковский, а не они. Теперь они, вместе с Мережковским, находятся в изгнании.

Обращаясь к Арцыбашеву, приведу один, недавний, пример его ясновидения.

Многие из здесь присутствующих читали помещенный в нашей газете ("За свободу". - Т. П.) посмертный отрывок его "Ленин и Горький".

Этот отрывок производит прямо потрясающее впечатление.

"Подрядчик" Ленин и "приказчик" Горький!

Многие думали, что когда Арцыбашев начал беспощадную борьбу со злым гением новой России, Максимом Горьким, с его внутренним и внешним хамством, он преувеличивал силу его влияния и внутреннее его ничтожество.